

**Подчиняясь не логике, но истине...**  
**(«Литературные беседы» Георгия Адамовича**  
**в «Звене»)**

В судьбе Георгия Адамовича «Звено» сыграло решающую роль. Именно здесь, на страницах «Звена», в «эпоху “Звена”» (1923—1928) молодой и в общем-то ничем не примечательный петербургский поэт, один из многочисленных учеников Гумилева, превратился в «первого критика эмиграции», по определению Георгия Иванова<sup>1</sup>. Последующие публикации в «Последних новостях» (1928—1940) и «Числах» (1930—1934), окончательно закрепившие за Адамовичем этот титул, — уже публикации зрелого человека, сформировавшегося мастера.

В жанре критики Адамовичу случалось выступать и раньше, начиная с 1915 года. После расстрела Гумилева он был уже главным критиком петербургского Цеха поэтов, так что, например, третий, последний в России, альманах Цеха поэтов почти наполовину состоял из его статей и рецензий. Но по большому счету, все это было только пробой пера. В «Звене» Адамович развернулся уже по-настоящему.

Приехав в Париж в конце лета 1923 года, свое знакомство с литературным миром парижской эмиграции Адамович начал с визита в редакцию «Звена». Этот визит

---

<sup>1</sup> Возрождение. 1950. № 11. С. 180. Критический дар Адамовича высоко оценивали и многие другие эмигрантские литераторы, например, И. Бунин: «Лучший критик в эмиграции, в Париже» (Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 679); Ю. Иваск: «Замечательный критик, лучший русский критик нашего времени» (Новое русское слово. 1971. 24 ноября. № 22443. С. 3); Ю. Терапиано: «“Властитель дум” и выразитель совести того времени» (Современник [Торонто]. 1972. № 24. С. 88); В. Завалишин: «Самый выдающийся авторитетный русский литературный критик и той и этой стороны» (Новое русское слово. 1971. 24 ноября. № 22443. С. 3); В. Вейдле: «Самый влиятельный литературный критик русской эмиграции» (Русская мысль. 1972. 2 марта. № 2884. С. 4); А. Седых: «Более авторитетного знатока русской литературы сегодня мы не имеем» (Новое русское слово. 1971. 24 ноября. № 22443. С. 3).

и решил его судьбу. М.М. Винавер, ознакомившись с небольшой папочкой публикаций Адамовича, предложил ему написать что-нибудь для газеты на пробу. 10 сентября 1923 года в 32 номере «Звена» появилась первая публикация Адамовича — статья «Поэты в Петербурге». За ней последовали другие статьи, стихи, переводы. Начиная с 35 номера, в анонсе среди постоянных авторов появляется фамилия Адамовича и уже не исчезает со страниц «Звена» до самого последнего номера.

В 1923—1924 гг. Адамович публикуется в «Звене» почти через номер, заполняя газету самым разнообразным материалом: параллельно с его стихами и оригинальными статьями (к которым он не подобрал еще окончательного названия, именуя их то «Литературными размышлениями», то «Литературными заметками»), появляются и явно заказные рецензии, обзоры французских журналов и т.п. В это время Адамович — рядовой сотрудник газеты, один из нескольких критиков «Звена», не особо из этой блестящей когорты выделяющийся. Достаточно упомянуть имена основных сотрудников: В.В. Вейдле, К.В. Мочульский, Д.П. Святополк-Мирский, Н.М. Бахтин, П.М. Бицилли. А помимо них в «Звене» публиковали свои критические работы еще и З.Н. Гиппиус, П.П. Муратов, А.Я. Левинсон, Б.Ф. Шлецер, Г.Л. Лозинский, С.М. Волконский. Чтобы выделиться на таком фоне, нужно было обладать особым талантом, и первенство Адамовича в этом ряду было признано хотя и не сразу, но почти единодушно.

В 93 номере «Звена» (10 ноября 1924) впервые появляются «Литературные беседы» Адамовича, которым суждено было стать «гвоздем» каждого номера вплоть до прекращения издания. В конце 1924 года «Литературные беседы» появляются через номер, а начиная с 1925 года становятся постоянной рубрикой: литературная часть газеты на второй странице неуклонно открывается «Литературными беседами».

Редакция отчетливо осознавала «Беседы» как самую удачную рубрику, «изюминку» каждого номера, и не ошибалась в этом. Именно «Беседы» вызывали наибольший интерес у читателя, приносили наибольшее количество откликов, возбуждали самые яростные споры. «Обратная связь» редакции и читателей была установлена во многом именно благодаря «Беседам».

И получилось это от того, что Адамовичу удалось найти нужный тон разговора с читателем. Тон не назидания, не

пропаганды, не сообщения, а именно разговора: размышления, тон искренний, заинтересованный. Живой интерес Адамовича к «самому главному» в литературе передавался читателю и вызывал столь же живой отклик. Эта-то особенность «Бесед» и обусловила их живучесть, выдвинула на первое место в ряду блестящей критики «Звена».

В 1925 году, когда период становления «Звена» был завершен, роли распределены, а издание утвердило в глазах эмигрантской общественности свою высокую репутацию, окончательно определилась и репутация Адамовича как главного литературного критика «Звена» и одного из самых интересных критиков эмиграции вообще. Репутация эта была создана в первую очередь «Литературными беседами», хотя Адамович и помимо них поставлял «Звену» огромное количество материалов. Он вел постоянную рубрику «Отклики» под псевдонимом Сизиф, писал обзоры «Новое во французской литературе» под псевдонимом Ю. Сущев, рецензировал новые книги эмигрантских, советских и иностранных авторов, подписываясь инициалами или не подписываясь вообще.

После смерти М.М. Винавера, с октября 1926 года Адамович становится не только ведущим критиком «Звена», но и правой рукой М.Л. Кантора, практически соредактором, во многом определяющим литературную политику журнала. Кантора такое сотрудничество вполне устраивало, о чем свидетельствует переписка двух редакторов, а также их последующая совместная деятельность по изданию журнала «Встречи» (1934) и антологии «Якорь» (1935).

Любопытно, что именно Адамович, о котором часто писали и говорили, как о человеке мягком, излишне учтивом и ко многому равнодушном, в письмах Кантору все время настаивает на придании «Звену» большей остроты: «“Звену” нужно что-то впрыснуть и оживить... У нас слишком салонный тон и слишком мало темпераментов»<sup>1</sup>; «О “Звене” я полон полу-сомнений, полу-соображений. Что-то в нем “не так”»<sup>2</sup>.

В 1926 году, после того, как «Звено» перешло на журнальный формат, политика окончательно была оттесне-

---

<sup>1</sup> Из письма Адамовича М. Кантору, написанного в начале августа 1926 г. // Hoover Institution Archives. Stanford University.

<sup>2</sup> Из письма Адамовича М. Кантору, написанного в начале августа 1927 г. // Hoover Institution Archives. Stanford University.

на на задний план, и каждый номер журнала открывался «Литературными беседами» Адамовича, которые таким образом выполняли роль своеобразной передовицы. (Лишь несколько номеров «Звена» этого периода вышло в свет без «Литературных бесед», да три раза Адамовича, надолго отъезжавшего в Ниццу, замещал К. Мочульский).

Регулярно выходящее «Звено» сравнивали с чашкой кофе по утрам, подразумевая под сытным обедом «Современные записки». Эмигрантский обозреватель писал: «с этим сравнением нетрудно согласиться, особенно, конечно, тем, для кого художественные и литературные интересы не только близки, но стали привычкой. Конечно, “Звено” духовного голода не утолит, но приятные вкусовые ощущения дает. Если принять во внимание нынешнее положение в издательской области и заброшенность Бог знает куда русского интеллигентного читателя, то возможность иметь еженедельно приятного культурного собеседника — счастье в некотором роде.

“Звено” ведет свою роль внимательно и толково. Все существенные новости в области искусства, особенно литературы, находят в нем отклик. Находчивый и занимательный собеседник Георгий Адамович. Порой он, правда, слишком импрессионистичен в своих утверждениях. Заявить например, что Пушкин не создал школы, что Кант его в тысячу (!) раз умнее, ценнее и проч., что поэзия бесполезна и бесцельна, что свежесть в литературе не качество. Но приятному собеседнику прощаешь маленькие капризы»<sup>1</sup>.

С превращением «Звена» в ежемесячный журнал (с июля 1927 года) «Литературные беседы» Адамовича, несколько прибавившие в объеме, открывали буквально каждый номер, без единого пропуска. З. Гиппиус в переписке с Адамовичем несколько раз обсуждала проблемы, связанные с новой периодичностью журнала: «вам серьезно не кажется, что журнал еженедельный и ежемесячный — это “две большие разницы”? Допустим, Кантор, по неопытности, этого не знает, — но вы <...> тон всеобщей “рецензентности” в ежемесячном журнале должен бы измениться — в сторону все-таки тона “статейности”. Это оттенок неуловимый, — если не хотите его уловить, или не

---

<sup>1</sup> Третьяков В. «Звено», еженедельный литературный журнал // Сегодня. 1927. 3 марта. № 50. С. 3.

уметь»<sup>1</sup>. Эмигрантская печать отозвалась об изменениях в журнале следующим образом: «первый и единственный в русской эмиграции орган, посвященный исключительно вопросам литературы и искусства <...> скорее выиграл от новой перемены <...> Обычная “передовая” — литературные беседы г. Адамовича — и несколько концентрированное и разнообразнее обычного»<sup>2</sup>.

Жанр отдельных «Литературных бесед», как и почти всех других работ Адамовича, определить очень трудно: рецензия часто превращается в статью, статья в мемуары, мемуары — в разговор с читателем «за жизнь». Для любителей точных классификаций в литературоведении составлять библиографию работ Адамовича было бы истинной мукой, — слишком очевидно намеренное несоблюдение устоявшихся газетных законов критического жанра, что вызывало раздражение уже у многих современников, хотя неизменно привлекало читателей.

В богатой критическими талантами русской эмиграции Адамович был одним из немногих, кто действительно имел собственного читателя, причем аудитория эта была весьма обширна. В глазах его поклонников несоблюдение жанров целиком искупалось блестящим стилем. Владимир Вейдле, сам критик не из последних, писал об Адамовиче: «Язык его очень русский, но без малейшего русопетства, как и без малейшего сукна. Врождена ему была женственная гибкость, естественность и мелодичность слога. <...> У него было необыкновенно легкое (как о пианистах говорят) туше, неподражаемо легкое»<sup>3</sup>.

Правильнее было бы сказать, что «Литературные беседы» сами стали вполне определенным жанром литературной критики, до того не проявлявшимся настолько ярко в русской литературе. В этой области Адамович имел предшественников лишь среди французов, у которых подобный жанр был развит еще в XIX веке, начиная с Сент-Бева и до современника Адамовича Шарля дю Боса. Французским

---

<sup>1</sup> Из писем З.Н. Гиппиус Г.В. Адамовичу от 8 и 19 июля 1927 г. // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. Munchen, 1972. С. 348, 350.*

<sup>2</sup> *Бенедиктов М.* «Звено» // *Последние новости.* 1927. 7 июля. № 2297. С.3.

<sup>3</sup> *Вейдле В.* Памяти Г.В. Адамовича // *Русская мысль.* 1972. 2 марта. № 2884. С. 4.

аналогом «Литературных бесед» можно назвать «Беседы по понедельникам» Сент-Бева, которого Адамович прямо признавал своим учителем<sup>1</sup>.

«Литературные беседы» — прежде всего разговор, продолжающийся разговор, в котором Адамович не стесняется противоречить самому себе, извиняться за ошибки, многократно возвращаться к одной и той же теме или даже фразе, следуя общеакмеистскому принципу: «Один раз точно найденное слово или определение принадлежит языку, то есть всем говорящим на этом языке, и не нуждается в замене»<sup>2</sup>. Точно так же и мысль: ее надо «найти», услышать и сформулировать, выразить, чем короче и ярче, тем лучше — чтоб цитировали и употребляли.

Несмотря на все повторы, противоречия и обилие забытых ныне имен, «Литературные беседы» интереснее всего читать подряд, не выискивая особо любопытные суждения и не пропуская заметки только потому, что речь в них идет о писателях незначительных. Тогда со страниц этой книги встает целый мир, во всех его забавных мелочах и подробностях, настоящая летопись с микропортретами книг, писателей и явлений, лаконичными, но яркими, вполне зримыми. Адамович не зря на заседаниях редколлегии «Звена» несколько раз упоминал о необходимости своего рода Бедекера по современной литературе. Его «Литературные беседы» и сейчас могут служить отменным путеводителем по истории литературы первой половины века.

Здесь немало рецензируется незначительных книг, есть явно проходные заметки, да и статьи по серьезному поводу могут подчас вызвать разочарование. Тем не менее, выбирать из этого словесного потока перлы, значило бы — загубить замысел. Адамович был убежден, что о самом серьезном не надо говорить вслух, напрямую, не-

---

<sup>1</sup> 3 марта 1958 г. Адамович писал Одоевцевой: «Вы спрашиваете о Sainte-Beuve. Я чрезвычайно обожаю Sainte-Beuve'a, считаю себя его учеником и подражателем, хотя он иногда бывал туп и, например, в Бодлере не понял ничего» (Beineke Rare Book and Manuscript Library, Yale University).

<sup>2</sup> В статьях акмеистов не раз встречается этот тезис, по-разному сформулированный. Н. Оцуп посвятил его доказательству целую заметку, в которой вывел: «однажды найдя удачную формулировку той или иной мысли, автор не имеет оснований заменять ее другой, менее совершенной, из одной только боязни повторить себя» (Вправе ли писатель повторяться // Звено. 1926. 28 февраля. № 161. С. 4. Подп.: О.).

уклонно стремясь к ядру, к сути, — ибо это почти всегда нечто невыразимое, и определения его лишь опошлят, а настоящий смысл все равно ускользнет. Зато куда больше метких наблюдений и умных мыслей бывает высказано в непринужденной болтовне на пустяковые подчас темы. В этом он был абсолютно солидарен с Георгием Ивановым, у которого в строках «Поговори со мной о пустяках, / О вечности поговори со мной...» не вечность называется пустяком, как иной раз полагают. Здесь то же самое предложение поговорить по душам, как болтают хорошие знакомые, говорящие на своем собственном языке, когда не надо напрягаться, произносить громкие слова и условливаться о терминах, а в результате сказать друг другу гораздо больше и как раз о самом важном и существенном, о чем по-другому и сказать-то невозможно. В какой-то мере «Литературные беседы» были попыткой именно такого разговора с эмигрантским читателем, и, судя по отзывам современников, попытка удалась.

В этих небольших эссе, написанных устанавливающимся пером, можно уже разглядеть многие темы и мотивы, которые станут главными в зрелом творчестве Адамовича. Видно и стилистическое единство. Георгий Иванов считал «Комментарии» Адамовича «антиподами его блестящих газетных фельетонов»<sup>1</sup>. Это так, если говорить о направленности статей: «Литературные беседы» — разговор с читателем, «Комментарии» — с самим собой. Но сама структура имеет много общего. И в том, и в другом случае текст дробится на небольшие фрагменты, и величина каждого соответствует вспышке вдохновения. Манера эта очень характерна для Адамовича и очень подходит его стилю. У Адамовича было, что называется, короткое дыхание. В длинных обстоятельных пассажах и рассуждениях он к концу увядал. Зато с особым блеском проговаривал головокружительные вещи в коротеньких — на страничку—две — отрывках.

Его быстрый прихотливый ум молниеносно перескакивал с одного на другое, и такой же быстроты ума он ожидал от читателя, будучи убежден, что «скучно слушать речь излишне обстоятельную»<sup>2</sup>. Самому Адамовичу скуч-

---

<sup>1</sup> Иванов Г. [Рец.:] Г. Адамович. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955 // Новый журнал. 1955. № 43. С. 296.

<sup>2</sup> Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1927. 29 мая. № 226. С. 2.

но было излишне обстоятельно писать. Он считал, что если человеку есть о чем сказать, не стоит утомлять собеседника или читателя кухней своих рассуждений, достаточно сказать самую суть, но сказать хорошо. Если мысль приходится объяснять или доказывать, значит, она плохо выражена, либо собеседник вообще не в состоянии ее усвоить, и тогда все доказательства окажутся безуспешными. Если же в состоянии, довольно будет и чистой мысли, без ненужного антуража ссылок и доводов. Архиепископ Иоанн (Шаховской) верно заметил: «Адамович — мыслитель камерный, и все камерное у него хорошо»<sup>1</sup>.

Адамович ориентировался на понимающего читателя и очень любил повторять афоризм Григория Ландау: «Если надо объяснять, то не надо объяснять». К тому же он хорошо знал, что многие вещи не способен до конца объяснить и самому себе, разве только высказать кое-какие догадки, и не собирался уверять читателя в собственном всезнании, честно оговаривая, что это всего лишь догадки. Он был вполне солидарен с И. Анненским, полагавшим, что «есть реальности, которые, по-видимому, лучше вовсе не определять»<sup>2</sup>.

Этому же когда-то учил его и Гумилев, в программной статье «Наследие символизма и акмеизм» резко негативно отнесясь к любым попыткам приблизиться к непознаваемому: «Первое, что на такой вопрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать. Второе — что все попытки в этом направлении нецеломудренны»<sup>3</sup>.

Да и самого Адамовича высокоученые книги и лекции с названиями типа «Проблема Бога» или «Ад и рай» неизменно приводили в тихое изумление. По свидетельству современников, у Адамовича к авторам подобных выступлений был только один вопрос: «А откуда вы все это знаете?» Мысль о нецеломудренности он усвоил твердо и никогда не пытался прямо и однозначно определять то, что определить невозможно.

И все же непознаваемое слишком влекло его, чтобы он изначально отбросил «лестницу, ведущую в небо». Более

<sup>1</sup> *Странник*. Поэт критики (Памяти Георгия Адамовича) / Публ. Е.А. Голлербаха // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Спб., 1996. Т. II. № 2. С. 267.

<sup>2</sup> *Анненский И.* Книги отражений. Л.: Наука, 1979. С. 202.

<sup>3</sup> *Гумилев Н.* Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1989. С. 412.



того, только оно и могло хоть как-то оправдать в его глазах и литературную критику, и саму литературу.

В общем-то, литература была для него не целью, а лишь поводом, чтобы высказаться, но поводом практически единственно возможным. И только такое отношение к литературе Адамович считал правильным. Литература сама по себе не может быть единственным смыслом жизни, — она лишь возможность ощущать, что этот смысл все-таки есть, лишь связующее звено между этим смыслом и человеком. Но такое звено, которое нельзя заменить ничем иным. Литература занимает в душе человеческой свое особое место, выполняя только ей свойственные функции, и исчезни литература, образовавшуюся пустоту не смогут до конца заполнить ни философия, ни религия.

Понимая всю невозможность давать определения невыразимому и вообще высказываться о нем прямо, и в то же время не желая говорить всерьез ни о чем другом, Адамович нашел единственно возможный выход: говорить «вокруг» него, все время приближаясь к нему с разных сторон и умолкая в нужном месте, не переходя последней границы. Но тем самым обрисовывались контуры этого невыразимого. В идеале он добивался такого уровня письма, когда выстроенная определенным образом фраза или утверждение переориентирует сознание читателя так, что тот не может объяснить, что именно он понял, но отчетливо ощущает, что ему открылось что-то ранее несознаваемое, но очень важное.

Наблюдательный Набоков, в своем романе «Дар» выводя Адамовича в пародийном образе Христофора Мортуса, дал филологически точное, очень меткое описание его критических приемов, когда важны «не столько слова, сколько вся манера критика»: «“Не помню, кто, кажется, Розанов, говорит где-то”, — начинал, крадучись, Мортус; и, приведя сперва эту недостоверную цитату, потом какую-то мысль, кем-то высказанную в парижском кафе после чьей-то лекции, начинал суживать эти искусственные круги <...> причем до конца так и не касался центра, а только изредка направлял к нему месмерический жест с внутреннего круга — и опять кружился»<sup>1</sup>.

Адамович, надо думать, охотно бы подписался под фразой, вложенной Набоковым в уста Мортусу: «Можно гораздо точнее и подлиннее высказаться, бро-

---

<sup>1</sup> Набоков В. Собр. соч. в 4 тт. М., 1990. Т. 3. С. 150.

дя «около темы», в ее плодотворных окрестностях»<sup>1</sup>. Именно поэтому в его статьях и стихах так много намеков и недоговоренностей, а речь, при всей ее стилистичности, обрывочна. По мнению Адамовича, «обманчивая связность ничем не лучше, — если не хуже, — откровенной отрывочности»<sup>2</sup>.

Он и у других очень ценил «дар вовремя замолчать», умение остановиться там, где нужно, наполняя образовавшуюся паузу новым смыслом, заставляя в полную силу работать читательские ум и воображение. Например, Лермонтов восхищал его едва ли не более всего тем, что у него «есть паузы, есть молчание, которое выразительнее всего, что он в силах был бы сказать»<sup>3</sup>.

Адамович обладал редким умением, даже искусством, не разжевывать мысли до конца, не договаривать их, но так, чтобы «отблеск оставшегося за словами заливал всю страницу» и возникала убежденность, что речь идет не только и не столько о литературе, сколько о жизни, о «самом главном» в ней. Адамович всегда был склонен рассматривать литературу не просто как ремесло, профессию, но видеть за ней нечто большее и соответственно к этому относиться, — способность в наши дни почти полностью утраченная. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) в статье «Поэт критики» довольно точно сказал об Адамовиче: «Строки не подкреплены ничем и мысль их не выявлена. Автор хочет, однако, чтобы ему поверили на слово <...> В этих именно разговорах весь Адамович — критик, поэт и эссеист <...> Замены стилю Адамовича в русской критике нет»<sup>4</sup>.

Интонация «Литературных бесед» заставляет вспомнить критическую прозу И. Анненского, Розанова и Блока. С. Маковский как-то заметил, что «у Анненского на все — свой взгляд, ни для кого не обязательный, конечно, но всегда искушающий новым глубочайшим смыслом, каким бы неожиданным и надуманным он ни казался на

---

<sup>1</sup> *Набоков В.* Собр. соч. в 4 тт. М., 1990. Т. 3. С. 72.

<sup>2</sup> *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1927. 3 января. № 209. С. 1–2.

<sup>3</sup> *Адамович Г.* Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 183.

<sup>4</sup> *Странник.* Поэт критики (Памяти Георгия Адамовича) // Публ. Е.А. Голлербаха // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Спб., 1996. Т. II. № 2. С. 267.

первое впечатление»<sup>1</sup>. То же можно было бы сказать и об Адамовиче. Когда он о ком-нибудь говорит, важна не оценка, которая может быть и не очень объективной, важно, что он часто говорит такие вещи, которых кроме него не сказал бы никто.

В своей критической прозе Адамович раскрывался не меньше, чем в стихах, это тоже была исповедь. Нет, он не говорил вещей автобиографичных, как Розанов, в этом смысле он всегда был слишком застегнут на все пуговицы, но раскрывался в гораздо более глубинных вещах — его всегда интересовала глубинная сущность писателей, и говоря о ней, высказывая о ней суждение, он тем самым говорил и о себе. Здесь уместно привести еще одну фразу С. Маковского, сказанную об Анненском, вновь переадресовывая ее Адамовичу: «ищет-то он в глубинах чужого сознания не столько влюбленность в красоту, сколько — молитвенное сострадание к человеку»<sup>2</sup>.

Адамович был убежден, как и многие последователи Бергсона в начале века, что целое надо постигать непосредственно, определять его терминами — значит убивать и препарировать в интеллекте. Язык может быть средством познания искусства лишь при условии, что он сам становится искусством.

Не всем такой тип критики нравится, О. Мандельштам называл его «лирикой о лирике». Если вдуматься, не такое уж плохое определение. Все же в литературной иерархии чаще всего именно лирика занимает главенствующее положение. В ней человек раскрывается наиболее полно. А Адамович не уставал повторять, извиняясь за банальность: «Имеет смысл только та литература, в которой нет или, вернее, не осталось «литературщины», и где за словом чувствуется человек»<sup>3</sup>. По его мнению, и «критика, в сущности, оправдана лишь тогда, когда пишущему удается сквозь чужой вымысел сказать что-то свое, т.е. когда по природному своему складу он вспыхивает, касаясь чужого огня, а затем горит и светится сам»<sup>4</sup>.

Стареют теории, забываются модные имена и бестселлеры, меняется литературная иерархия, но что-то остается

---

<sup>1</sup> *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Нью-Йорк, 1986. С. 132.

<sup>2</sup> Там же. С. 137.

<sup>3</sup> *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1927. № 2. С. 67.

<sup>4</sup> *Адамович Г.* Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 87.

неизменным, и Адамович пытался уловить и запечатлеть именно это. Для этого, по его мнению, критику не обязательно сочинять схемы, выдавать оценки, создавать и крушить репутации. Требуется только одно: «надо слушать голос книги, то, что за словами, после слов и что переоценке не подлежит»<sup>1</sup>.

В большинстве своем отзывы сложившихся критиков о чем бы то ни было хорошо предсказуемы. Предсказать, какотреагирует Адамович на то или иное явление, было весьма затруднительно. Его за это называли субъективным, капризным критиком с семью пятницами на неделе. Но это не была непредсказуемость ради непредсказуемости, из желания эпатировать, пижонства или «духовного озорства»<sup>2</sup>, как отозвался Г. Струве о Святополке-Мирском. Она вообще не была литературным приемом, хотя нередко и вызывала дополнительный интерес читателей. Адамович не делал этого нарочно, рассчитывая удивить. Это был своего рода литературный прием: взглянуть на явление с разных точек зрения, увидеть в нем неожиданные стороны и показать их. Но стороны, во-первых, должны были быть на самом деле, а во-вторых, быть существенными. Противоречия, считал Адамович, заложены в самой глубине мысли. Источником мысли, ее внутренним двигателем является сомнение, поэтому для писателя самое главное «разговор с самим собой. Не монолог, а именно разговор, в котором вопросы бывают важнее ответов, а мысль неразлучна с сомнением, ее оживляющим и оттачивающим»<sup>3</sup>. Здесь он был абсолютно солидарен с И. Анненским, считавшим, что в «идее, пока она жива, то есть пока она — идея, неизменно вибрирует и взрастившее ее сомнение — возражения осилены, но они не убиты»<sup>4</sup>.

Рядом с идеей Адамовичу казалось необходимым видеть и учитывать «бесчисленные контр-идейки, брызгами возникающие тут же, будто от брошенного в воду камня»<sup>5</sup>. Кроме смелости доводить мысль до логического конца, есть еще смелость признать к концу рассуждения, что в истоках мысли было заложено определенное допущение, вполне правомерное на каком-то уровне, но разросшееся

---

<sup>1</sup> Адамович Г. Комментарии // Числа. 1933. № 7/8. С. 153.

<sup>2</sup> Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 77.

<sup>3</sup> Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 114.

<sup>4</sup> Анненский И. Книги отражений. Л.: Наука, 1979. С. 173.

<sup>5</sup> Адамович Г. Комментарии. Вашингтон, 1967. С. 187—188.

по ходу мысли настолько, что опровергает уже общую истинность всего рассуждения. Адамович был убежден, что зачастую «логика как бы издевается над рассудком и уводит его от желанного, чувствуемого заключения»<sup>1</sup>, и стремился быть верным не логике, но истине.

Кроме того, если пристально всмотреться во все им написанное, становится очевидным, что своим главным, затаенным мыслям Адамович никогда не изменял, какому бы испытанию на прочность ни подвергал их.

«Литературные беседы», личность и сам образ мыслей Адамовича стали частью той среды, в которой зародилась так называемая «парижская нота», тем центром, вокруг которого объединились молодые литераторы и который вызвал и продолжает вызывать столько споров. Георгий Иванов имел все основания заявить, что «никто из богатой именами и талантами тогдашней нашей словесности не мог бы заменить Адамовича на его критической трибуне»<sup>2</sup>. По мнению одного из тогдашних молодых литераторов, В. Варшавского, на то были веские причины: «За Адамовичем шли в самом главном. Это было очень определенное, хотя и трудноопределимое представление о том, чем была и чем должна быть русская литература»<sup>3</sup>. Для молодого поколения эмигрантских писателей «Литературные беседы» в буквальном смысле стали учебником вкуса.

Но Адамович следил не только за эмигрантской словесностью, в круг его интересов входили вопросы религии и теологии, философии и политики. Критик, поэт, эссеист, публицист, он писал и о театре, музыке, кино, о русском языке, о французской литературе, немного о литературе английской и американской, очень много о классической русской литературе и, конечно, о литературе советской, за которой Адамович следил неустанно, всматривался, вслушивался в нее, огорчался, много раз ее хоронил, а затем всматривался и вчитывался вновь. Он откликался практически на все существенные культурные события современности, а современным для него был весь двадцатый век.

Разумеется, прежде всего его интересовала просто литература как таковая, а все деления — эмигрантская, советская — принимались, как неизбежное зло. Под ли-

---

<sup>1</sup> Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1928. № 3. С. 126.

<sup>2</sup> Новый журнал. 1955. № 43. С. 296.

<sup>3</sup> Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. С. 179.

тературой он понимал нечто иное, мало совместимое с советской идеологией, о чем часто писал. И все же с пристальным вниманием следил за тем, что делается в литературе Советской России. Следил едва ли не с одной целью: заметить пробуждающиеся ростки того, что вновь сделает советского человека русским, а беллетристику из идеологии вновь превратит в литературу. Любые мало-мальские намеки на это отмечал сразу же, а если они затихали, — разочаровывался в авторе, но не в процессе, ибо сам процесс считал необратимым. И в результате получилось, что по большому счету многие его критерии и оценки оказались гораздо ближе к истине и к подлинной истории литературы XX века, чем у присяжных ниспровергателей и восхвалителей как с той, так и с другой стороны.

Глеб Струве считал, что Адамович «не принадлежит к тем критикам, писания которых выигрывают от объединения под одной обложкой»<sup>1</sup>. Вряд ли это так. «Литературные беседы», собранные вместе, представляются вполне цельным произведением, своеобразным критическим дневником, рисующим панораму русской литературы по обе стороны баррикад, да и не только русской. И выглядят они в таком виде куда более убедительными, чем порознь, и гораздо более интересными, чем, может быть, даже казалось современникам.

Многолетний критический дневник Адамовича воссоздает портрет эпохи в мельчайших деталях так же, как запечатлели его чуть раньше «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева, а до того «Далекие и близкие» В. Брюсова. Портрет эпохи, оставленный Адамовичем, в чем-то даже масштабнее, чем у Гумилева и Брюсова, которые были строже в оценках, но писали только о литературе, более того, почти исключительно о поэзии.

К тому времени, как «Звено» прекратило свое существование летом 1928 года, Адамович был уже «шире всех читаемым и самым влиятельным критиком эмиграции»<sup>2</sup>. В том же году он был приглашен на должность литературного обозревателя в самую известную газету русского зарубежья — милюковские «Последние новости».

*О.А. Коростелев*

---

<sup>1</sup> *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 372—373.

<sup>2</sup> *Вейдле В.* О тех, кого уже нет // Новый журнал. 1993. № 192—193. С. 360.

1923





## Поэты в Петербурге

К концу прошлого века русские поэты научились группироваться в школы и направления. По формальным особенностям, по способу говорить они объединялись и совместно вели священную войну с теми, кто предпочитал их языку другой язык.

Это не есть борьба отцов и детей. Акмеисты враждовали не только со своими предшественниками — символистами, но и с футуристами — их современниками. Футуристам пришлось иметь дело с бунтом в их же государстве, — с имажинизмом.

Так было и так будет. Эта рознь, эти недоумения и споры, в особенности эта крайняя нетерпимость есть воздух искусства. Без этого нет поэтической культуры, и только забывчивые люди думают, что это болезнь нашего времени.

Но с «птичьего полета» это все же, как многое в нашей жизни, смешное и жалкое зрелище, — пусть и неизбежное.

Есть географический признак, по которому было бы, может быть, правильнее делить русское искусство: Петербург и Москва.

Это гораздо слабее чувствуют москвичи. В своей сутолоке и неразберихе, в вечных московских междуусобицах они не сознают в себе единства стиля, которое так явственно в Петербурге. Петербургские поэты как бы связаны круговой порукой, и петербургскому символисту свой же футурист — если только это поэт — ближе, думается мне, чем, например, Андрей Белый.

Едва ли надо говорить об особенностях петербургского и московского искусства. Пушкин писал как-то Наталье Николаевне, что он «ей-ей» разведется с ней,

если она будет держать себя как московская барышня. Это очень характерная обмолвка петербуржца. Лучше всего определяется это деление внешностью обоих городов. Сейчас разоренный, нищий и царственный Петербург еще острее в своем стиле. Не знаю, как объяснить это столь явное наличие двух характеров в русском искусстве. Может быть, правы марксисты, утверждая, что «бытие определяет сознание».

В Петербурге сейчас живет три прославленных поэта: Сологуб, Ахматова и Кузмин. Все трое пишут и печатают сравнительно много.

Последние стихи Сологуба прекрасны и замечательны. Так должен состариться поэт: надо только не забыть к шестидесяти годам все то, что тревожило в двадцать. Ткань этих стихов прозрачна и хрупка до крайности. Сологубу сейчас может не хватить силы, ему может изменить умение (и изменяет иногда), но только в таких мелочах, небрежность и недоделанность которых лишь подчеркивает уровень его искусства.

С Ахматовой происходит «обыкновенная история». Она с каждым днем теряет свою популярность, — вернее, она делается все известнее, но в ее слове нет былого очарования и былой остроты.

Это тоже удел поэта, — и пушкинский удел. В Ахматовой любишь не ее голос, — напряженный, трудный, сухой, — а ее манеру. Теперь нет больше «перчаток с левой руки» и поклонники разочарованы. Есть, впрочем, для их утешения несметное количество девиц, подбравших эти ахматовские обноски.

Что сказать о Кузмине? Его торопливая и легкомысленная Муза заблудилась на поэтических перепутьях. Кузмина сильно клонит влево, — для России «влево» это еще и к «верлибризму». Его стихи пестрят то славянизмами, то подчеркнуто-реалистическими выражениями. Часто это сцепление отрывочных восклицаний, связанных вялой логической связью и ритмически распадающихся на куски.

Нельзя отделаться от мысли, что его теперь как бы взвинченный пафос есть самообман усталой и стареющей души.

Кузмин часто и упорно повторяет: «Я не люблю стихов». Мне кажется, этому можно верить.

Я назвал этих трех поэтов прославленными. Надо оговориться: ни один из них не объединяет вокруг себя учеников и последователей. Кузмин и Ахматова, не говоря уж о Сологубе, живут замкнуто и одиноко. Та «работа», которую так задорно и одушевленно вел Гумилев, оборвалась. В Гумилеве была большая жизненная сила, какая-то веселость и вера в свое счастье и удачу. Это заражало и влекло к нему. Его пресловутая самоуверенность едва ли была вполне непоколебимой. Много смущало его. Но он хотел быть учителем и знал, что учитель не может, без ущерба для себя, делиться с теми, кто его окружает, своими сомнениями и колебаниями.

У Гумилева было множество учеников в узком смысле слова. Он же задумал и в третий раз возродил «Цех Поэтов», — как вольное общество людей, не объединенных ничем, кроме ремесла и дружбы.

Смерть его лишила петербургских поэтов связи. Цех замкнулся в крайне тесный круг, спаянный не отдельной личностью, а общим отношением к поэзии и общим взглядом на нее.

Ученики разбрелись кто куда. Но из наиболее живой группы их образовалось содружество, игравшее заметную роль в петербургской литературной жизни 1921—23 гг. и на собраниях которого можно было слышать голоса поэтов последнего призыва.

Названо оно было странным именем «Звучащая раковина». По понедельникам, поздним вечером или, вернее, ночью, у учениц Гумилева по студии «Дома Искусств», Иды и Фредерики Наппельбаум, собирались не только их ближайшие товарищи, но и весь поэтический Петербург. Если приезжал какой-нибудь именитый москвич, то и он неизбежно попадал на шестой этаж дома на Невском, с балкона которого видны весь огромный город, Нева и взморье.

В длинной, узкой, задымленной комнате, теснясь по низким диванам и стоя вдоль стен, читали стихи — иногда было забавно смотреть на шестнадцатилетнего мальчика, сидящего возле Сологуба, или на какую-нибудь «студистку», благоговейно разглядывающую знаменитую, «ложноклассическую» шаль Ахматовой.

Бывали и те, кто потом уехали: окруженный вниманием Ходасевич, как бы вдруг почувствовавший, что в

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

([e-Univers.ru](http://e-Univers.ru))